

УДК 101.1:316

Родичкин Д.В.*Московский государственный областной университет***К ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО»
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ**

Аннотация. В статье предпринята попытка дать определение научному сообществу с позиций современной социальной теории, выявить его характерные черты и особенности. В соответствии с качественными и критическими методами социологии очерчены уровни бытия научного сообщества: от межличностных взаимодействий субъектов до глобальных взаимодействий наций и классов, а также промежуточные уровни, связанные с деятельностью групп. Прослежено влияние социальных условий на формирование научных сообществ и поведение людей, вовлечённых в научную деятельность. Обзорный анализ существующих социологических методик позволил сделать вывод о том, что научное сообщество – это и статусная группа, и сеть ритуального обмена, и сетевое сообщество.

Ключевые слова: научное сообщество, социология, социологическая традиция, статусная группа, сеть ритуального обмена, сетевое сообщество.

D. Rodichkin*Moscow State Regional University***TO THE PROBLEM OF DEFINING THE NOTION “SCIENTIFIC COMMUNITY”
IN MODERN SOCIAL THEORY**

Abstract. The article attempts at defining “scientific community” from the positions of modern social theory by revealing its basic features. In accordance with the quality and critical methods of sociology the author determines the levels of scientific community’s existence: from interpersonal contacts to global interactions of nations and classes, as well as intermediate levels associated with group activities. The impact of social conditions is studied on the formation of scientific communities and behaviour of people involved in scientific activity. The overview analysis of current sociological techniques allows the author to conclude that scientific community is a status group, a network of ritual exchange and a network community simultaneously.

Key words: scientific community, sociology, sociological tradition, status group, network of ritual exchange, net community.

Вера в ценность научной истины – не что иное, как продукт определённой культуры, а совсем не данное от природы свойство [2, с. 412–413]. Эти слова принадлежат Максус Веберу, и сказаны они были в самом начале XX столетия, во время бурного развития научной мысли и технического прогресса. Однако вера и неверие, убеждённость и сомнение нередко следуют друг за другом, и наше отношение к тому или иному факту или явлению во многом зависит от культуры, присущей современному обществу. То, что кажется нам нормальным явлением,

не требующим объяснения, в другом времени и при иных обстоятельствах было аномальным и нетипичным. В известной нам истории развития науки от античности до наших дней имеется огромное количество примеров. Но какую бы форму ни принимала научная деятельность, какую бы социальную оценку она ни получала, всегда существовала преобладание талантливых людей, заинтересованных в научных поисках. Между тем максимальную отдачу от подобной деятельности можно получить только в подходящих культурных условиях. Поэтому крайне важно определить и изучить те регуляторы, которые мотивируют научные карьеры, наделяют престижем одни научные дисциплины и отвергают другие, а также понять, что такое научное сообщество и каковы его отличительные особенности.

Для анализа научного сообщества логично применять методологии научных дисциплин, так или иначе изучающих человеческое общество. Наиболее общую картину нам может дать философия. При этом, обращаясь непосредственно к социальной философии, следует помнить, её принципиальная особенность состоит в том, что она изучает явления и процессы, существенно связанные с действиями мыслящих существ – людей. Следовательно, никакое объяснение наблюдаемых в этой сфере событий не может быть достаточным без учёта особенностей мотивации человеческого поведения. Исходя из этого, в построениях социальной философии следует учитывать результаты исследований специальных научных дисциплин, обращённых к различным сторонам жизнедеятельности человека, – прежде всего таких,

как наука о поведении, социология и история. Выступая по отношению к этим последним как общая методология, социальная философия, в свою очередь, только тогда может рассчитывать на прочность и достоверность своих положений, когда они представляют собой корректные обобщения, согласуемые с данными специальных исследований [8, с. 495–496].

История как наука и бихевиоризм, по сравнению с социологией, дают нам обширные сведения к пониманию человеческого общества и происходящих в нём процессов. Данные дисциплины в первую очередь необходимы исследователю для подтверждения выдвигаемых социологических теорий, однако в данной статье, отметив их несомненную важность, не станем заострять на них внимание и сосредоточимся на социологии. Социология же есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым казуально объяснить его процесс и воздействие. «Действием» мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому принятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него [1, с. 602–603]. Таким образом, социология – систематическое, всестороннее изучение человеческого общества.

В свою очередь, предметом социологии-науки в самом широком смысле

является динамическая взаимозависимость между наукой как постоянной социальной деятельностью, в которой рождаются культурные и цивилизационные продукты, и окружающей социальной структурой. Объектом изучения для неё служат взаимные связи между наукой и обществом [7, с. 743]. Однако следует заметить, что взаимности этих связей до сих пор уделялось неравномерное внимание: влиянию науки на общество – много, а наоборот – крайне мало.

Понимая науку как «постоянную социальную деятельность», мы рассматриваем деятельность группы учёных, поскольку наукой невозможно заниматься в одиночку, в отрыве от коллег – оппонентов и единомышленников. Если не существует научное сообщество, не существует и наука как таковая. Производство научных фактов – процесс настолько коллективный, что отдельная личность может порождать фантазии, чувства, утверждения, но никак не факты [6, с. 76]. И в действительности наукой занимаются не только те, кто проводит время в научных экспериментах; наоборот, эти люди в лабораториях могут в них находиться именно потому, что множество других людей занимается наукой за пределами лабораторий [6, с. 260]. В формирование мира науки и технологий вовлечено куда больше людей, чем те, кто занимается этим по долгу службы.

Корни социологии как общей науки о социальных феноменах чрезвычайно разнообразны. У её истоков лежат материалы истории, обобщения философов истории, проблемы, поднятые институциональными и историческими экономистами, сбор данных публич-

ными администраторами и социальными реформаторами, психологами, озабоченными проблемами общества, а также проблематика антропологов, связанная с первобытными культурами и человеческой эволюцией [4, с. 52]. Необычайная широта истоков социологии, а также многообразие сформировавшихся к настоящему времени идейных традиций социологического анализа, позволяют использовать её методы применительно к научным сообществам. Теории отличаются и по объяснительной мощности, и по диапазону охвата общественных процессов. Основываясь на вышесказанном, попытаемся определить, что такое научное сообщество и каково его место среди иных людских сообществ. Но для начала рассмотрим методы, применяемые в социологии.

Как правило, в социальных науках обычно выделяется три типа методов: количественные, качественные и критические [10]. Количественные методы анализируют материал в системе статистических показателей и индикаторов, и использование таких методов наиболее характерно для рациональной утилитарной традиции. Качественные методы предполагают идентификацию тех непроговариваемых правил различных обществ, которым подчиняется поведение людей. Качественный подход наиболее типичен для традиции Э. Дюркгейма. Критические методы предполагают оценку социального порядка с точки зрения нормативной теории и теории справедливости, поэтому обращение к критическим методам наиболее характерно для традиции конфликта и, особенно, для марксистской парадигмы в социальных науках.

Поскольку перед нами стоит задача определить структуру научного сообщества и получить представление об общих принципах его формирования и существования, в своей работе мы будем опираться на качественный и критический подходы, т. е. на традицию конфликта, подразумевая её источником наследие К. Маркса и М. Вебера, а также на традицию, следующую трудам Дюркгейма. Между тем нельзя забывать, что у любой из традиций могли быть как общие предтечи, так и общие последователи. А в целом современные подходы в социологии как правило синтетичны и редко встречаются в чистом виде.

Логично предположить, что для любого сообщества, в том числе и научного, существует несколько условно выделяемых уровней бытия, и, как следствие, анализировать его деятельность возможно сообразуясь с выделенными уровнями. Уровень взаимодействий отдельных субъектов или групп субъектов между собой в рамках сообщества – это микроуровень. Взаимодействия сообществ друг с другом на уровнях государств и наций, а также их способность создавать события и явления мирового масштаба и соответственно реагировать на них – это макроуровень. Все прочие – мезоуровень. Следует заметить, что указанные уровни неизбежно взаимосвязаны, а нередко – причудливо пересекаются. Подобное деление на уровни напрямую связано с упомянутыми социологическими традициями.

Так, микроинтеракционистская традиция, сосредоточив внимание на индивидуе и малых группах, ничего не может сказать об общественных макроструктурах. С другой стороны, тра-

диция конфликта занимается в основном макроанализом и рассматривает главным образом масштабные исторические процессы. В свою очередь традиция Эмиля Дюркгейма может быть разделена на два крыла, соответствующие макро- и микроуровням.

Первое крыло дюркгеймианцев связано с макроуровневой теорией Дюркгейма, теорией разделения труда и макроструктуры, и развивалось в направлении идей Талкотта Парсонса и функционалистов. Другое крыло берёт своё начало в области социальной антропологии (Марсель Мосс) и находит своё применение на микроуровне у таких социологов, как Ирвинг Гофман и Базиль Берштейн, обеспечивая обоснование теории классовых культур. Наиболее любопытными в традиции Дюркгейма являются аспекты, позволяющие вновь связать микро- и макроуровни, что особенно очевидно в теориях обмена и альянса Мосса и Клода Леви-Стросса, теории культурного капитала Пьера Бурдьё и теории ритуальных цепей взаимодействия Рэндалла Коллинза.

Исследуя макроуровень, в первую очередь необходимо обратить внимание на работы марксистов, выразившиеся в традицию конфликта, где то, что понимается под «идеями Маркса», скорее символ, чем труд одного человека, хотя сам Карл Маркс и является ключевой фигурой. Кроме того, о «Марксе» и «марксизме» часто говорят, подразумевая труды Маркса и Энгельса. Поэтому следует рассматривать марксизм как идею реалистического понимания мира, находящегося в ситуации господства и конфликта. Это направление мысли дало толчок социологии науки, начало которой при-

шлось на 30-е гг. XX столетия, когда Д.Д. Бернал, Д. Нидэм и Б. Гессен предприняли попытку показать, почему наука возникает только в определённых исторических и экономических условиях. Разобраться в обстоятельствах зарождения и развития науки с точки зрения традиции конфликта возможно, в частности, при помощи такого понятия, как «класс».

Классы – это основные деятели на мировой сцене. У каждого класса есть своя культура и своё мировоззрение, отражающие социальные обстоятельства жизни. Анализ классовых структур значительно усовершенствовался с веберовской концепцией статусной группы. А традиция Дюркгейма добавляет важный элемент в теоретическое объяснение причин, по которым различные классы избирают для себя разные интеллектуальные и моральные миры. Сопоставляя класс и статусную группу, важно понимать, что принципиальное отличие между ними в том, что классы базируются на чисто экономических основаниях (группировка сходных интересов на основании сходных позиций на рынке), в то время как статусные группы находятся в сфере культуры.

Статусная группа – одна из категорий в трёхкомпонентной модели стратификации Вебера. Эту категорию обычно понимают как противоположность экономической классовой стратификации. Это не просто статистические категории, а реальные сообщества, люди, которых связывает общий стиль жизни и мировоззрение, люди, которые самоидентифицируются через принадлежность к группе. Это заставляет нас вспомнить этнические группы, расы, религиозные группы,

общины небольших городков, урбанистические соседские группы: группы, которые не подпадают под социальные классы и не приемлют классовых различий [4, с. 104].

Развитие образования создавало современные статусные группы, послужившие монополизации наиболее прибыльных позиций в системе занятости. К примеру, врачи отделяют себя от остального рабочего класса построением развитой профессиональной культуры, ограничивающей доступ других научными степенями и государственными лицензиями, приводящими к монополии на медицинские знания. Подобный тип анализа может быть обращён и на многие другие сферы образования и науки.

Внешние экономические и политические системы при определённых условиях позволяют существовать университетской системе и исследовательским лабораториям. В свою очередь, они становятся промежуточным слоем социальных и материальных условий, в рамках которых могут работать учёные и другие интеллектуалы. Но внутри этой сферы учёные переживают свои конфликты: они разбиваются на отдельные группы, которые пытаются работать на разных видах лабораторного оборудования; они рассматривают идеи как интеллектуальный капитал, который можно инвестировать (следуя терминологии Пьера Бурдьё), и, по словам Томаса Куна, они разделяются на консерваторов, защищающих свои «парадигмы», и «радикалов», которые осуществляют интеллектуальные революции [5, с. 145]. В последнее время социологи, которые изучали процессы, имеющие место в научных лабораториях, заметили, что

то, что рассматривается как «знание», часто формируется материальным субстратом самого исследовательского оборудования и тем способом, каким результаты будут объявлены в печати.

Идея о том, что общество представляет собой систему обмена между частями, не нова: её высказывали уже первые экономисты, Адам Смит, а также утилитаристы, например Герберт Спенсер. Но Дюркгейм резко критиковал эти модели, если в них шла речь только о сфере обмена чисто материальными преимуществами. Мосс реализовал ту же самую идею, но в более динамичном ключе. Его идея состояла в том, материальная экономика создавалась на основе системы ритуального обмена. Существует два уровня обмена: один из них первичен и служит основой для другого. Ритуальные дары всегда предшествуют материальным.

Как мы уже выяснили, Макс Вебер определял статусные группы как сообщества, которые объединяются общим стилем жизни и следуют определённому коду чести. Члены статусной группы предлагают друг другу символические дары, которые в современном мире состоят в вечеринках, рождественских подарках и всех прочих церемониальных обменах повседневной вежливости. В свою очередь Леви-Стросс создал теорию альянса, ставшую важным инструментом для антропологического анализа политики родства и являющуюся важной метафорой для понимания логики политического обмена в сложных обществах [4, с. 243–245]. В одном из своих применений эта теория рассматривает науку как систему обмена дарами.

Уоррен Хагстром подчёркивает, что наука отличается от коммерче-

ской деятельности тем, что здесь знание подлежит свободному обмену и трактуется как цель сама по себе. Оно связано с высоким и почётным статусом членства в научном сообществе. Отсюда соревновательный аспект в науке, как и в других формах обмена дарами, но скрытый под нормативным тоном «вкладов» [11]. Учёные соревнуются в вопросах престижа и пытаются достичь признания своих даров сообществом коллег и легитимации их в качестве реального знания. Учёные рассматривают себя и свои идеи как «чистые», продиктованные чистым интеллектуальным любопытством и «не запачканные» обыденными мотивами. В свою очередь Дэвид Блур отмечает, что наука для них является сакральным объектом в дюркгеймовском смысле: она конституируется ритуалами, которые выделяют её в самодостаточное сообщество [9].

Идеи Дюркгейма позволяют рассматривать социологию науки как одно из применений теории о том, как идеи отражают социальную структуру, члены которой создали её. В этом случае сообщество представляет собой сеть самих учёных, а не всё окружающее их сообщество целиком.

Концепция социальной сети относительно недавно вошла в оборот, но уже успела завоевать популярность. Каждый человек, так или иначе, состоит во множестве самых разнообразных социальных сетей, включающих в себя семью, друзей, соседей, коллег, земляков, людей одного этнического происхождения или религиозного вероисповедания, знакомых по службе, коммерции и т. д. Повсюду люди регулярно полагаются на бытовые неформальные сети для того, чтобы по-

лучить возможность продвижения по службе, поступления в ВУЗ, ведения частного предпринимательства, доступа к дефицитным товарам, услугам врачей, обеспечению личной безопасности и многому другому [3, с. 514]. Однако для нас важна не сама сеть, а связи между её элементами. К примеру, Артур Стинчкомб, говоря о трудах Чарльза Тилли, отмечал, что хотя его исследования «почти всегда опираются на того или иного вида анализ сетей», это «вовсе не обычный сетевой анализ» [12, с. 392]. Тилли интересуется главным образом не формализуемая в моделях есть как таковая, а «то, что течёт по связующим звеньям между людьми, и в каком историческом контексте это происходит» [12, с. 392].

Слова Стинчкомба возвращают нас к наследию Пьера Бурдьё. На вопросы, «что именно перетекает» между людьми в социальных сетях или «какова разница в уровнях, которая в первую очередь вызывает это перетекание», можно ответить при помощи таких понятий, как *социальный капитал, гомологичность, личные и групповые траектории, ведущие к занятию позиций в социальном поле*. Но нередко сетевой анализ сильно оторван от реальности, поскольку игнорирует понятие власти и разницу, воплощённую в социальном положении и капитале. В то же время власть в форме материальных и символических благ связей, особых видов знаний и является в основном тем, что перетекает по звеньям сетей [3, с. 516].

Говоря о научном сообществе, в данном случае также можно применить двухуровневую модель обмена. Символические обмены учёных составляют моральный центр сообще-

ства, но когда они установлены, учёный статус человека может быть обменен на материальные блага вроде академических постов, зарплат, распродаж книг, гонораров за изобретения и тому подобное. Если мы забудем на мгновение о парадигме Дюркгейма, эти блага можно рассматривать как материальные средства духовного производства, которые традиция конфликта использует для объяснения содержания созданных идей. Оба эти уровня взаимодействуют: ритуальный обмен дарами научных идей происходит в своей собственной сакральной сфере бескорыстных истин, но сами эти идеи становятся «интеллектуальной собственностью», формой того, что Пьер Бурдьё называл «культурным капиталом». Учёные маневрируют в целях инвестиции своего интеллектуального капитала для получения большего признания и, таким образом, получают должности и материальные ресурсы, которые могут использоваться для производства последующих научных идей [4, с. 245–246].

Так к какому же выводу относительно сути научного сообщества мы приходим, принимая во внимание всё вышесказанное? Рассмотренные социологические методики говорят о том, что научное сообщество – это и статусная группа, и сеть ритуального обмена, и сетевое сообщество. И совершенно не удивительно, что между представителями различных традиций существуют принципиальные различия мнений. Однако столь обширное многообразие определений – ни в коем случае не помеха в нашем исследовании, поскольку принуждает нас взглянуть на научное сообщество с различных точек зрения, что особенно

важно при необходимости обобщить опыт различных научных дисциплин. Таким образом, мы можем определить научное сообщество как общественное образование в рамках которого люди, связанные единой системой ценностей и общностью специфичных социальных ритуалов, реализуют творческий и научный потенциал, составляя себе капитал, как в материальной, так и в нематериальной сферах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. М.: Прогресс, 1990. 317 с.
3. Дерлугьян Г. Адепт Бурдьё на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 560 с.
4. Коллинз Р. Четыре социологические традиции. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. 317 с.
5. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 317 с.
6. Латур Б. Наука в действии: следуя за учёными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
7. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
8. Философия: учебник / под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012. 672 с.
9. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. London: Routledge & Kegan Paul, 1976.
10. Braybrooke D., Brown B., Schotch P. Logic on the Track of Social Change. London: Oxford University Press, 1996.
11. Hagstrom W. The Scientific Community. New York: Basic Book, 1965.
12. Stinchcombe A. Tilly on the Past as the Sequence of Futures, in Charles Tilly, Roads from Past to Future. Lanham: Rowman & Littlefield, 1997.